

Roger Tisserand. La vie d'un peuple. L'Ukraine. Ed. Maisonneuve. Paris. 1933. p. 298.

Основная мысль книги совершенно ясна. Существуют два абсолютно несхожихъ народа — украинскій и московскій. Первый представляетъ изъ себя сочетаніе однихъ положительныхъ качествъ, второй — только отрицательныхъ. Украинцы никогда не перестанутъ противопоставлять свою «тонкую, средиземноморскую культуру, свой западно-европейскій гуманизмъ, свое древнее и хорошее законодательство грубымъ, агрессивнымъ, варварскимъ, деспотическимъ нравамъ русскаго народа, который они всегда будутъ считать стоящимъ ниже себя и который они всегда будутъ глубоко презирать». Присоединеніе Украины къ Москвѣ въ 1654 г. — не болѣе какъ результатъ предательскихъ дѣйствій со стороны московскаго правительства. Б. Хмельницкій мечталъ не о присоединеніи, а о военномъ союзѣ съ Москвою для совмѣстныхъ дѣйствій противъ поляковъ. Украинскій языкъ совершенно не похожъ на русскій и даже самое наименованіе «русскій» по существу не должно относиться къ Московіи. Послѣ присоединенія Украины, Московія «торопится присвоить себѣ и исторію только что подчиненнаго ея народа». Въ результатъ, начиная со второй половины XVII в., украинцы никогда не переставали, и въ будущемъ никогда не перестанутъ, стремиться къ отдѣленію отъ Россіи и къ установленію своей полной политической самостоятельности.

Въ настоящее время, когда вопросъ о расчлененіи Россіи упорно ставится съ разныхъ сторонъ, произведеніе г. Тиссерана, совершенно независимо отъ его научной и политической доброкачественности, конечно, должно прійтись по душѣ всѣмъ сторонникамъ этого расчлененія. Поэтому тѣ немногія замѣчанія, которыя будутъ сдѣланы ниже, преслѣдуютъ не заранѣе обреченную на неудачу задачу политическаго воздѣйствія на предвзятые умы, а исключительно возстновленія жестоко, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, и воистину варварски попранной г. Тиссераномъ исторической истины.

Въ русской исторической литературѣ давно уже установленъ тотъ фактъ, что въ первый періодъ русской исторіи терминъ «русскій» приурочивался главнымъ образомъ къ Кіевскому княженію (См., напр., В. И. Сергѣевичъ «Русскія юридическія древности» т. I). Но помини своего чисто мѣстнаго значенія, еще въ глубокой древности, задолго до образованія Московскаго государства, терминъ «русскій» въ представленіи наиболѣе образованныхъ и передовыхъ людей своей эпохи имѣлъ и болѣе широкое значеніе. Недаромъ южно-русскіе авторы двухъ литературныхъ памятниковъ древности «Хожденія игумена Даніила во Святую Землю» и «Слова о полку Игоревѣ», подѣ «русской землей» понимаютъ всю территорію, занятую восточно-славянскими княженіями, а подѣ «русскими князьями» — всѣхъ безъ исключенія восточно-славянскихъ князей и, въ частности, такого типичнаго сѣверовосточнаго князя, какимъ былъ Всеволодъ Большое Гнѣздо. Идея единства всѣхъ восточно-славянскихъ племенъ является одной изъ наиболѣе излюбленныхъ мыслей и древняго русскаго нѣ-

тописца, автора «Повѣсти временныхъ лѣтъ», на которую такъ много ссылаются г. Тиссеранъ: «Се бо токмо Словѣнскъ языкъ (народъ) на Руси». Такъ, еще въ глубокую древность создалась и постепенно крѣпла идейная традиція, признавая «русскими» всю территорию и все славянское население восточно-европейской равнины. И, конечно, въ свѣтъ этой традиціи вполне естественнымъ и само собою понятнымъ являлся тотъ фактъ, что кievскіе митрополиты, переселившись въ XVI в. въ Москву, сохранили за собою свой исконный титулъ митрополитовъ «Всяя Руси» и что самъ Богданъ Хмельницкій просилъ царя Алексѣя Михайловича, чтобы тотъ «призрѣтъ на сею государеву отчину Киевъ и на всю Малую Русь милостью своею, яко орелъ покрываетъ гнѣздо свое». Такимъ образомъ Москва не только не «узурпировала» термина «русскій», а шла въ этомъ вопросѣ въ руслъ многовѣковой традиціи, начало которой было положено какъ разъ не въ московской, а въ южно-русской литературѣ.

Несомнѣнно также, что въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ древнерусскихъ княженіяхъ культурный уровень по разнымъ причинамъ былъ далеко не одинаковъ и что культурное различіе между Киевской землей и междурѣчьемъ Оки и Волги было безспорнымъ фактомъ. Но различіе, и при томъ довольно рѣзкое, могло существовать и между Киевомъ и его ближайшими политическими сосѣдями. Недаромъ авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» такъ пренебрежительно отзывался о ближайшихъ сосѣдяхъ Киевлянъ Древлянахъ: «а Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живяху скотски». Но въ то же время было бы глубокой ошибкой утверждать, что въ теченіе всего перваго періода русской исторіи междурѣчье Оки и Волги неизмѣнно пребывало въ варварскомъ состояніи.

Религиозное единство, культурная преемственность, никогда, вплоть до татарскаго ига не прерывавшаяся, а напротивъ, вопреки утверженію г. Тиссерана, все время усиливавшаяся идейная связь между сѣверомъ и югомъ, наконецъ, многовѣковая традиція, утверждающая единство всего «русскаго» народа, въ высокой мѣрѣ облегчили и подготовили задачу присоединенія Украины къ Москвѣ. При этомъ условія присоединенія были совершенно иными, чѣмъ о томъ повѣствуетъ г. Тиссеранъ. Для казацкихъ вождей, дѣлавшихъ въ то время украинскую политику, въ первую очередь, для самого Богдана Хмельницкаго вопросъ шелъ не о военномъ союзѣ съ Москвою, а о томъ, чтобы въ отношеніи Малой Россіи московскій государь занялъ мѣсто польскаго короля, «расширивъ и утвердивъ» при этомъ чисто корпоративныя, казацкія вольности, «наданныя отъ вѣковъ королями польскими». Никакой присяги московскіе послы не приносили. В. В. Бутурлинъ категорически отказался присягать отъ имени московскаго государя, заявивъ, что присягать «своимъ подданнымъ» могутъ только «короли невѣрные и не самодержцы». Если тѣмъ не мене г. Тиссеранъ утверждаетъ, что въ Переяславлѣ обѣ стороны обмѣнялись присягой, то это его утверженіе является исторической «ошибкой» того же калибра, который позволяетъ ему называть Остромирово Евангеліе, списанное въ Новгородѣ для новгородскаго псал-

ника, древнѣйшимъ памятникомъ «украинской литературы», говорить о поразительномъ сходствѣ Св. Софіи кievской съ Софіей константинопольской, называть Ярослава Мудраго «законодателемъ Украинны», жаловаться на «деспотизмъ московскихъ царей» въ эпоху, когда самого царскаго титула на Москвѣ еще не существовало, утверждать, что крѣпостное право на Украинѣ, есть результатъ петербургской правительственной политики, въ то время какъ оно еще въ XVII вѣкѣ стало создаваться, вопреки противодѣйствію центральной русской власти, усиліями самой казацкой старшины и т. д., и т. д.

Но въ особенности яркой становится тенденціозность книги въ ея послѣднихъ главахъ. Авторъ тщательно перечисляетъ здѣсь всѣхъ творцовъ украинской культуры XVIII и XIX вв., не обходя весьма значительныхъ именъ, но упускаетъ при этомъ указать на то, что имѣлъ мужество отмѣнить наиболѣе видный и авторитетный украинскій публицистъ XIX в. Драгомановъ, что украинская интеллигенція XIX в. есть продуктъ русской культуры. Не приходится также доказывать, что утвержденіе г. Тиссерана, будто украинскій языкъ совершенно иной чѣмъ русскій, возможно только подъ перомъ человека, который не знаетъ ни одного изъ этихъ языковъ или же рассчитываетъ на подобное же незнаніе у своихъ читателей. Наконецъ, совершенно ошибочны и тщетны усилія г. Тиссерана доказать, что большевизмъ на Украинѣ есть продуктъ нашествія на нее съверныхъ варваровъ. Большевицкой заразы, къ сожалѣнію, подверглась вся Россія, въ томъ числѣ и, говоря словами г. Тиссерана, «родина Владимира Св., Мазепы и Петлюры». Какое поразительное сочетаніе именъ!

Совмѣстными усиліями населяющихъ Россію народовъ строилась общерусская культура. Казалось бы, совмѣстными усиліями необходимо бороться и съ опасностями, вставшими на ея пути. Книга г. Тиссерана идетъ наперекоръ и исторической истинѣ и политической целесообразности. Тѣмъ не менѣе, повторяю, въ извѣстныхъ кругахъ ей обезпеченъ успѣхъ. Поэтому не только въ смыслъ своего соотвѣтствія истинѣ, но и по своему практическому значенію «жизнь одного народа» г. Тиссерана можетъ быть поставлена съ такими забываемыми произведеніями, какъ «Лжеисидоровы декреталии», фальшивыя бордеро и «Протоколы сіонскихъ мудрецовъ».

Д. М. Одинецъ.

Seminarium Kondakovianum. Сборникъ статей по археологін и византиновѣдѣнію, издаваемый институтомъ имени Н. П. Кондакова. Томъ VI.

Шестой томъ прекраснаго этого изданія, дѣлающаго честь русской наукѣ за рубежомъ, открывается обширнымъ изслѣдованіемъ Д. А. Расовскаго «Печенѣги, Торки и Берендѣи (на Русн и въ Угріи)», по новому ставящимъ одну изъ важнѣйшихъ этническихъ проблемъ въ ранней исторіи Россіи: эти три тюркокиихъ народа (тюркское про-